

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНФЕССИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Ф. М. КУЛИЕВ

В современный период в России происходит переосмысление исторического опыта, включая и проблемы правового регулирования деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в., так как обращение к прошлому позволяет определить степень подготовленности общества к осуществлению различного рода преобразований в государственной и общественной жизни.

Взаимоотношения государства и религии невозможно изучать в отрыве от особенностей исторического опыта государственно-конфессиональных отношений в дореволюционной России, где православная церковь долгое время занимала особое положение в государстве и выполняла весьма значимые социальные функции.

Нормативно-правовые акты, касавшиеся правового положения конфессий и действовавшие в России в тот или иной хронологический период, многообразны и разнородны по своему характеру. Законодатели, принимая каждый из них в определенной исторической обстановке, под влиянием внутри- и внешнеполитической ситуации, руководствовались конкретными целями; каждый законодательный акт имел своих сторонников и противников. В какой степени и каким образом принимавшиеся нормативные акты оказывали влияние на развитие государственно-конфессиональных отношений?

Наибольшие изменения в правовом статусе западных христианских конфессий произошли в период правления Екатерины II, когда был заложен фундамент право-

вого положения церквей и предприняты первые шаги по созданию католической и лютеранской организации в России. Законодательная политика Екатерины II в области государственно-конфессиональных (церковных) отношений ознаменовалась продолжением курса на предоставление инославным свободы отправления богослужения.

В Указе от 17 июня 1773 г. (позже в Указе 1777 г.) Екатерина провозгласила терпимость вероисповеданий: «...как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и ее Величество... поступать изволит, желая только, чтобы между подданными ея Величества всегда любовь и согласие царствовало» [1]. Эдикт Священного Синода 1773 г. получил название «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до всех иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, представляя все сие светским начальствам».

Екатерина II, основываясь на Манифесте о веротерпимости и Указе от 13 июня 1773 г., внесла значительные изменения в управление церковной организацией территорий, вошедших в состав Российской империи. Рассматривая причины, приведшие к признанию католической церкви на территории Российской империи, необходимо сделать вывод о государственной целесообразности такого шага. Правовед М. А. Рейснер в начале XX в. оценивал становление российской государственной веротерпимости следующим образом:

«...Если наше право с покорением каждого нового народа вводит в состав русского государственного организма и новые исповедания, в качестве признанных терпимых религий, то оно это делает отнюдь не по мотивам нравственного свойства и не в силу своего культурного правосознания, а в силу чисто-политической необходимости: привязать к составу громадной Империи новые нации и народы и захватить их национальные религии в рамки общего государственного управления» [2, 160].

Включая Крым и Кубань в состав Российского государства, Екатерина II в своем Манифесте 8 апреля 1783 г. провозгласила обещание мусульманам Тавриды «охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно» [3, 898]. Аналогичная политика по отношению к мусульманам проводилась и в других районах империи. Так, «Манифест о присоединении к России Великого княжества Литовского» 1795 г. распространял гарантию свободного исповедания веры не только на католическое христианское большинство населения края, но и на литовских татар-мусульман.

В Манифесте 30 октября 1794 г. Екатерина II в очередной раз повторила норму о предоставлении своим новым подданным права на неограниченное публичное вероисповедание. По Манифесту, римско-католические священники вновь присоединенных областей объявлялись независимыми от заграничной духовной власти, они были обязаны давать присягу на верность императрице и знать русский язык [4, 581-582]. Данные и подобные им другие указы екатерининского времени достаточно убедительно показывают, что именно тогда русская власть пришла к пониманию необходимости соблюдать в отношениях с различными по вере и языкам подданными важнейший принцип устойчивости любой империи: «Мы вами владеем, вы нам подчиняетесь, платите налоги, за это живите и веруйте, как хотите». При этом и при Екате-

рине II, и при всех ее преемниках главным обязательным условием для всех жителей страны, в том числе и мусульман, оставалось требование абсолютной лояльности и преданности существующему строю и царствующему дому Романовых.

Признав права мусульманской общины России на ее религиозную самобытность, русская власть стала более активно, чем раньше, встраивать ее в систему государственного устройства империи. Ускорился процесс включения мусульман в различные сословия и сословные группы и органы управления ими с распространением на них соответствующих прав и обязанностей.

Особое внимание было уделено организации государственного регулирования «сверху» религиозной жизни российского мусульманства. Как известно, ислам не имеет ни церковно-иерархической организации, ни института монашества. Анализ действий властей в данном вопросе позволяет предположить, что ими делались попытки устроить нечто вроде «Русской Исламской церкви» наподобие православия. В известной степени это было действительно так, но, во-первых, здесь, на наш взгляд, не было какой-либо специальной, заранее заданной антиисламской направленности, во-вторых, светская власть преследовала цели не столько «религиозные», сколько «правительственные».

Главный принцип конфессиональной политики Российской империи заключался в стремлении к полному государственному контролю над всеми без исключения религиозными институтами на территории страны.

Начало XIX в. ознаменовало собой новый этап правового регулирования. Правительство активно занялось разработкой правовых основ государственно-конфессиональных отношений. В отличие от ранее действовавших нормативных актов, в XIX в. существенное развитие получили принципы взаимодействия государства и конфессий. Указы первых лет правления

Александра I (например, манифест от 27 ноября 1801 г.) провозглашали веротерпимость как норму политического поведения правительства.

В целом, религиозное законодательство XVIII – начала XIX в. являлось бессистемным, состояло из разрозненных, несвязанных между собой нормативных актов, часто включавших и судебные прецеденты. Указы правительства были полны противоречий и нарушений церковного права. Необходимо было устранить многочисленные коллизии и согласовать каноническое право со светским. Однако исследователи отмечают, что российское законодательство второй половины XVIII в. было направлено на охрану прав нерусских, неправославных народов, а правительство проводило осторожную национальную политику [5, 318].

Создание Главного управления во главе с обер-прокурором Синода, князем А. Н. Голицыным, представлявшим интересы неправославного духовенства перед императором, соответствовало идее М. М. Сперанского о едином руководстве конфессиями и представлениям традиционалистской части русского общества о необходимости жесткого государственного контроля над терпимыми церквями [6, 278]. Главное управление являлось олицетворением идеи единства церковных учреждений под руководством верховной власти.

В 1810 г. рядом со Святейшим Синодом было создано на правах особого министерства Главное управление духовных дел разных (иностранных) исповеданий, под контроль которого были поставлены «все предметы, относящиеся к духовенству разных иностранных религий и исповеданий, исключая судебных их дел» [7, 58]. В 1817 г. под руководством одного из наиболее доверенных лиц Александра I князя А. Н. Голицына было образовано объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения, где в рамках одного ведомства оказались контроль над всеми религиями и системой учебных заведений империи. Но-

вое учреждение должно было способствовать усилению борьбы с идеологическим вольнодумством, пропаганде религиозных, в первую очередь христианских, ценностей.

После учреждения в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения – кульминационного момента в процессе огосударствления церковного управления – Главное управление Духовных Дел иностранных исповеданий перешло в его ведение [8]. Манифест от 24 октября 1817 г. об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения соответствовал идее универсального «нового христианства» надконфессионального типа.

Создание Министерства имело самые серьезные последствия для всех конфессий, существовавших в Российской Империи. Среди прочих Министерству подчинялась и католическая Духовная Коллегия. Слияние трех ведомств – Министерства народного просвещения, Святейшего Синода и Департамента иностранных исповеданий – означало тотальное подчинение конфессионального управления светскому. Духовный департамент вновь образованного министерства состоял из четырех отделений: первое ведало делами греко-российского исповедания, второе – римско-католического, греко-униатского¹ и армянского, третье – протестантскими, четвертое – нехристианскими исповеданиями.

Однако благодаря традиционно-изоляционистскому подходу верхушки православного духовенства, интригам недоброжелателей, недовольству все более сильного графа А. А. Аракчеева, возглавлявшееся князем Голицыным объединенное министерство просуществовало недолго. В 1824 г. по воле разочаровавшегося в своем первоначальном замысле Александра I оно было ликвидировано.

Через восемь лет, в 1832 г. управление делами иноверцев было преобразовано в Департамент духовных дел иностран-

¹ В современной терминологии греко-католическое.

ных исповеданий (ДДДИИ) и включено в структуру Министерства внутренних дел, где оно находилось (за исключением короткого промежутка времени в 1880-1881 гг.) вплоть до 1917 г.

Анализ многочисленных николаевских указов о мусульманах дает возможность выяснить отношение самодержавия к исламу во второй четверти XIX в., а также позволяет увидеть более общую картину политики российских властей начиная с 14 декабря 1825 г. до Крымской войны. Внешний блеск гигантской империи скрывал постоянные опасения царя и его окружения по поводу возможного возникновения внутренних и внешних угроз, которые могли привести к «потрясению основ». Отсюда, на наш взгляд, проистекала заметная противоречивость указов по исламским делам. Достаточно продуманные, действительно государственные решения сочетались с указаниями недалекими и просто варварскими. К числу последних, несомненно, можно отнести указ от 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении Магометан». Правда, известно, что в России «против плохих законов есть надежное средство – их плохое исполнение». По нашему впечатлению, местная администрация, которой пришлось бы в случае попытки исполнить этот приказ царя тут же вступить в конфликт с мусульманским населением, постаралась, насколько это было возможно, спустить его, что называется, «на тормозах».

Целый ряд указов Николая I был связан с событиями Кавказской войны, задачами выстраивания отношений с мусульманами Западного Кавказа, Дагестана и других южных районов империи, где шли военные действия.

Российское законодательство о мусульманах тех десятилетий достаточно ярко отразило по-своему неповторимую личность Николая I. Его резолюции на докладах, иногда подробные и мотивированные, иногда повелительно-краткие, по делам общего значения или по отдельным казу-

сам, по меткому суждению русского историка А.Е. Преснякова, были проявлением «своеобразного личного законодательства императора, которое носило неизбежно отрывочный и случайный характер» [9, 287].

В первой половине XIX в. российские военные на Северном Кавказе начали составлять своды адатов со слов его знатоков. В 1825 г. были письменно зафиксированы нормы адата в Кабарде, в 1843 г. подготовлен сборник адатов Чечни и Малой Кабарды, в 1845 г. записаны адаты западных адыгов. Российская администрация, поддерживая в целом нормы обычного права горских народов, тщательно изучала нормы мусульманского права – шариата. Данный факт еще свидетельствует о том, что царская власть была немало заинтересована в своем присутствии на Северном Кавказе, главным образом исходя из геополитических соображений.

Ко второй четверти XIX в. отечественные нормы о правовом статусе церквей не были систематизированы. Статьи, посвященные положению католиков и лютеран, содержались в различных нормативных актах. Законодатель, фактически ориентируясь, но формально не закрепляя принцип существования поликонфессиональности в Российской империи, все же предпринимал попытки унификации данных правовых норм. Распространение в России инославия побуждало разработчиков нового свода законов XIX в. к конструированию норм, регламентирующих правовое положение конфессий.

С 1835 г. и вплоть до 1917 г. правовое положение римско-католической и евангелическо-лютеранской церквей, а также особенности их взаимоотношений с Российским государством регламентировались Сводом законов Российской Империи. В 15-томный Свод законов, который представлял собой блестящий образец систематизации законодательства по отраслевому принципу, входили все действующие нормативные акты Российской Империи. Текст свода законов был опубликован в

1832 г. и введен в действие с 1 января 1835 г. Структура свода оставалась неизменной до 1917 г., несмотря на внесение дополнений в содержание отдельных статей.

Все 15 томов свода законов, объединенные в 8 книг, имели те или иные законодательные нормы и институты, связанные с правами и обязанностями католиков и лютеран, принятые в разное время и при различных исторических обстоятельствах. В алфавитный указатель к Своду законов Российской империи вошли, например, такие понятия, как «римско-католический», «евангелический», «лютеране» и «католики», «римско-католическая церковь» и др.

При преемниках Николая I число общегосударственных указов о мусульманах заметно сократилось, основные решения теперь принимались внутри скрытой от постороннего наблюдателя бюрократической машины империи.

Для Российской империи вплоть до начала XX в. было характерно более тесное, чем в других странах, слияние религии и права. Царская власть, всемерно поддерживая РПЦ как один из своих устоев, обеспечивала неприкосновенность ее привилегий и защиту ее интересов. В своде законов Российской империи правовые нормы, охранявшие РПЦ, занимали особое место. В своде законов содержалось более тысячи статей, охранявших права «первенствующей» церкви. Православная церковь провозглашалась «первенствующей и господствующей», российский император не мог исповедать никакой другой веры, кроме православной; он же рассматривался как «верховный защитник» православной церкви и «блюститель правоверия».

Одним из существенных признаков системы взаимоотношений государства и религиозных организаций была правовая градация конфессий. Согласно Своду законов, все исповедания располагались на четырех иерархических уровнях, каждому из которых соответствовал свой объем прав, привилегий и ограничений.

На первом уровне находилась русская

православная церковь, имевшая статус государственной и «господствующей» со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями. Православное духовенство царским правительством привлекалось к участию во всех важнейших государственных событиях и торжествах, например, при коронации царя и священном миропомазании, а также при бракосочетании членов императорского дома и т.д.

В прямой зависимости от государства находились и конфессиональные организации всех других «терпимых» в царской России исповеданий. Устав духовных дел иностранных исповеданий (т. XI) состоял из разделов «об управлении духовных дел христиан римско-католического, армяно-католического, протестантских, армяно-григорианского исповеданий; караимов; евреев; магометан; ламаитов; язычников». Согласно закону, дела инославных и иноверных исповеданий решались исходя из правовых норм, регламентировавших основные стороны их жизни. Их деятельностью руководили Министерство внутренних дел и местные государственные органы.

Вторую ступень правовой иерархии занимали так называемые признанные терпимые исповедания, к которым относились: католическая, протестантские, армяно-григорианская и армяно-католическая церкви, христианские направления (менониты, баптисты), а также нехристианские конфессии – иудаистская, мусульманская, буддийская – и язычники. Однако категория «терпимых» исповеданий и внутри себя имела существенные градации: в зависимости от интересов государства устанавливался отдельный правовой режим в социальном, имущественном и политическом аспектах. В Уставе духовных дел иностранных исповеданий, например, представителям римско-католической церкви предписывалось «сообщаться с римским двором не иначе как через министра внутренних дел»; они не имели права исполнять ни одно из изданных папским правительством

распоряжений без разрешения российского правительства. Департамент духовных дел иностранных исповеданий, согласно Своду законов, был включен в состав Министерства внутренних дел, которому была подчинена и римско-католическая консистория. Римско-католическая церковь по Своду законов имела свободу отправления культа, религиозного обучения, но категорически запрещалась всякая миссионерская и пропагандистская деятельность.

Почти аналогичные нормы действовали и в отношении церковных учреждений других неправославных христианских исповеданий. Между тем, имелись и различия. Например, для приобретения общинами евангелическо-лютеранской и армяно-григорианской церквей недвижимого имущества требовалось разрешение: при стоимости от 300 руб. до 1 тыс. руб. – департамента духовных дел МВД, до 5 тыс. руб. – министра МВД, свыше 5 тыс. руб. – самого императора.

Синагоги и духовные лица караимов и иудеев содержались за счет добровольных пожертвований, а при недостатке этих средств производилась «раскладка на общество». При вступлении в должность раввина между ним и избравшим его обществом заключался договор, в котором указывались размеры жалования, платы за совершение обрядов и т.д.

Духовенство мусульманское, мечети и духовные училища содержались за счет приходских (мечетских) обществ, доходов от недвижимого и движимого имущества конфессиональных организаций (вакуфов) и их денежных капиталов. Таким образом, государство частично покрывало расходы на содержание духовных управлений мусульман. Русский закон оформил мусульманское духовенство в качестве сословия мулл, с правами и обязанностями; установления, чуждые мусульманскому миру, не предусмотренные мусульманским правом (шариатом) [10, 255]. Так, например, муллы и кадии избирались местным мусульманским населением после соответствующего

документированного «испытания в вере» и полицейского подтверждения их «лояльности». Утверждались они в должности местной администрацией [11, 232]. Права и привилегии легализованной части мусульманской духовной элиты на Северном Кавказе были меньше, чем в Закавказье. Сельские имамы и кадии, за исключением областных кадиев, не имели налоговых льгот. Они не получали прав личного дворянства и звание почетных граждан, оставаясь в податном крестьянском сословии как простые члены сельских обществ [12, 260]. В российском государстве из мусульманской духовной элиты были исключены руководители-шейхи и члены-муриды суфийских братств Накшбандийа и Кадирийа, которых власти боялись как источника мусульманского повстанчества (мюридизма), с которым они неплохо познакомились как во время Кавказской войны, так и в первые годы после ее завершения [13, 43].

Третью ступень составляли религиозные общества, относящиеся к категории «терпимых непризнанных» – некоторые секты, а также раскольники (старообрядцы). По отношению к этой категории государственное законодательство стояло на чисто церковной точке зрения, т.е. происшедшее когда-то отпадение от православной церкви рассматривалось как преступление. В правовом отношении существование вышеназванных обществ не признавалось, однако на бытовом уровне «терпелось», то есть они не пользовались правом юридического лица. Согласно закону, старообрядческие церкви не могли внешне походить на православные храмы; им запрещалось строить подобные здания; их священники не имели права переходить для исправления треб из уезда в уезд.

Четвертую ступень составляли существовавшие «непризнанные нетерпимые» исповедания, к которым относились «изуверные» секты (скопцы), а также те исповедания, которые в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств квалифицировались государством как враждебные.

Следовательно, сама принадлежность к этим исповеданиям преследовалась по закону.

Однако, как справедливо отмечают некоторые авторы, перечень терпимых в империи вероисповеданий определялся не их близостью к православной догматике, а чисто политическими условиями вхождения того или иного народа – последователя определенного вероучения – в состав Российской империи, его численностью и влиянием [14].

Правовое положение терпимых исповеданий было значительно лучше, чем, например, т.н. «гонимых» вероисповеданий – старообрядчества и «сектантства, возникшего на почве православия». Изменение данного вида правового статуса зависело от воли законодателя, а не от различных текущих обстоятельств (прекращение или возобновление отношений с Римской курией, присоединение к России прибалтийских территорий и т.п.).

Следует особо отметить, что законодателем справедливо и правомерно признавалась особая роль православной церкви в истории России. Это было связано с тем, что православие являлось религией основной государствообразующей нации и всегда участвовало в укреплении Российского государства. Ранжирование религий в содержании Свода законов свидетельствовало о том, что конфессии имели друг перед другом юридические преимущества. Такая особенность была обусловлена своеобразными чертами российской церковной традиции.

Таким образом, распределение исповеданий по иерархическим уровням представляло ключевой элемент вероисповедной системы Российской империи. Существование такой системы можно объяснить, на наш взгляд, следующими двумя обстоятельствами. Во-первых, сообщениями идеологическими. Так как православие было официальной идеологией государства, место других исповеданий в правовой иерархии определялось степенью

их близости к официальной идеологии. В соответствии с этим вершину пирамиды занимала православная церковь.

Во-вторых, национально-политическими факторами. К началу XIX в. Российская империя в результате территориальных приобретений превратилась в многоконфессиональную империю. Рост иноверческого населения империи объективно приводил к изменению положения православной церкви не только в конфессиональном, но и в политическом плане, так как статус первенствующего исповедания как религии большинства мог быть поставлен под сомнение. Решение этой проблемы состояло в том, что «подчиненные» народности заключались законом в национально-конфессиональные рамки как в замкнутые корпорации. При этом каждая корпорация выстраивалась по принципу жесткой смычки национальной и конфессиональной принадлежности: быть татаринем значило исповедовать ислам, быть евреем значило исповедовать иудаизм, а принадлежность к польской национальности предполагала одновременную причастность к католической церкви и т.д. И любой выход за рамки национально-конфессиональной корпорации, т.е. переход отдельного лица в другое исповедание (кроме православного), законом не допускался.

Еще более жесткими были ограничения корпораций в вероисповедном отношении. Так как, согласно закону, проповедь православия идентифицировалась с русификацией, проповедь католичества – с полонизацией, проповедь протестантизма – с «онемечиванием» и т.д., то всем исповеданиям (кроме православного) запрещались любые формы пропаганды и проповеди своего вероучения за пределами своих корпораций: законодательство квалифицировало это как проявление националистических тенденций. Ограничение духовной деятельности корпораций, с одной стороны, и предоставление русской православной церкви исключительного права пропаганды, миссионерской деятельности – с другой,

открывали государству широкие возможности регулирования государственно- (национально) конфессиональных отношений так, чтобы поддерживалось политическое господство «великорусской народности» и первенствующее положение православного исповедания.

Следует отметить, что хотя формально российское законодательство почти не знало ограничений по национальному признаку, они фактически имели место и определялись конфессиональной принадлежностью, поскольку конфессиональные различия практически совпадали с национальными, а роль регулятора национального вопроса играло вероисповедное законодательство. Этим самым обуславливались специфические черты отношений государства и религиозных организаций в дореволюционной России: использование церковной власти как орудия светской политики; вмешательство во внутрицерковную деятельность других конфессий, существовавших в Российской империи; стремление к ограничению «иностраных» и «иноверных» религий строго национальными рамками и т.д.

В Своде законов не только было введено понятие государственной религии, но и оговаривались функции органов государственного управления религиозными делами. Учреждения министерств относили к ведению Департамента Духовных Дел иностранных исповеданий дела по римско-католическому, армяно-католическому, армяно-григорианскому, и протестантским исповеданиям, а также дела магометан, евреев и ламаитов (ст. 365), перечисляя конфессии в указанном выше порядке. При Министерстве внутренних дел по Департаменту Духовных Дел иностранных исповеданий состоял Агент по римско-католическим духовным делам в Риме, права и обязанности которого регламентировались особой инструкцией Министерства внутренних дел [15].

Свод основных государственных законов, определяя состав и предметы ведения

Правительствующего Сената, объявлял судные дела, поступавшие в Сенат из римско-католической Духовной Консистории и евангелическо-лютеранских консисторий, подлежащими ведомству Судебного департамента правительствующего Сената [16].

Устав о цензуре и печати, имевший главу 3 «О цензуре книг иностранных», запрещал все те книги духовного содержания, «кои заключают в себе умствования и мнения противные главным началам христианской веры, или опровергающие учение Православной церкви, или же ведущие к безбожию, материализму, неуважению Священного Писания и т.п.» (ст. 184) [17]. При этом в качестве экспертов-цензоров выступали православные священнослужители, лоббировавшие интересы своей религии и выносившие решения в зависимости от того, насколько вероучительные положения и культовая практика той или иной конфессии отличались от учения русской православной церкви.

Христиане всех исповеданий равным образом охранялись от посягательств на их веру со стороны нехристиан. Однако на первом месте, как и ранее, находилась защита интересов РПЦ.

Несколько статей Уложения были посвящены противоправным действиям священнослужителей неправославных христианских исповеданий по отношению к православным верующим – совращению в свое исповедание в проповедях (ст. 197), допущению к исповеди, причащению, исправлению других духовных треб для православных (ст. 201), преподаванию катехизиса малолетним (ст. 202) и пр. Запрещалось препятствовать кому-либо, добровольно присоединиться к Православной церкви (ст. 199), а также принимать кого-либо из иноверных российских подданных в свое вероисповедание «без особого на каждый случай разрешения» (ст. 204).

Закон умалчивал о наказаниях за насильственное обращение граждан иностранных и иноверных конфессий в православие, хотя, например, факты массового

обращения из лютеранства в православие имели место в 40-х гг. XIX столетия в прибалтийских губерниях России среди латышей и эстонцев [18, 496; 19, 20].

Данный пробел в праве был ликвидирован главой четвертой «О предупреждении и пресечении преступлений против правил веротерпимости» Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1890 г. [20]. Устав устанавливал правило, что «...господствующая церковь не позволяет себе ни малейших понудительных средств при обращении последователей иных исповеданий и вер к православию, и тем из них, кои приступить к нему не желают, отнюдь ничем не угрожает...» (ст. 70) Хотя, несомненно, существовали нарушения в случаях переходов лиц православного исповедания в католицизм и лютеранство, которые разрешались только с согласия губернаторов, а зачастую путем увещаний со стороны православного духовенства и широкой огласки запрещались или всячески замедлялись. Те же правила – «не прикасаться в делах веры к убеждению совести последователей других вер» – предписывались и для лиц иностранных христианских и иноверных исповеданий (ст. 77).

Однако следует отметить, что в Российской империи XIX в. не было создано необходимых правовых предпосылок для полноценного осуществления свободы совести, а также деятельности религиозных организаций. Разрешение данной проблемы должно было стать важнейшей задачей государства и общества. Реализация рассмотренных правовых норм на практике вскрыла многие их недостатки и потребовала внесения в право необходимых изменений. Необходимо отметить, что российское законодательство в данный период не признавало свободы веры как таковой и смотрело на нее главным образом с точки зрения идеологии и задач национальной политики.

В целом для вероисповедной системы Российской империи в рассматриваемый период были характерны: активное вме-

шательство государства в жизнь религиозных организаций; юридическое неравенство конфессий; значительное влияние религиозной идеологии на правосознание российского общества; наделение религиозных учреждений функциями государственных и судебных органов; тесное взаимодействие религиозных и правовых норм; недопущение законами вневероисповедного состояния граждан и права свободного религиозного самоопределения; регулирование правом основных внутрицерковных и межконфессиональных отношений, а религиозными нормами – многих внецерковных отношений.

Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений развивалось по двум направлениям: 1) самодержавие стремилось закрепить православную церковь в качестве элемента государственной системы, 2) вводятся элементы толерантности в отношении других конфессий, вследствие территориального расширения Российской империи и активизации миссионерской деятельности РПЦ.

Исповедание православной веры закреплялось имперским законодательством как мерило политической благонадежности, а таинства церкви становились средством полицейского контроля.

Инкорпорирование РПЦ в систему государственной бюрократии окончательно осуществляется в XIX веке, что получает идеологическое обоснование в доктрине «самодержавие, православие, народность».

В XIX в. Российское государство стремилось организационно и административно подчинить себе западно-христианские церкви, ликвидировав их возможное идеологическое воздействие на россиян и всячески ограничивая их миссию. Влияние государственной власти на церкви доходило до крайностей, начиная с завуалированного неприятия лютеранства и заканчивая открытым давлением на католиков. Церкви действовали среди своих национальных меньшинств, но при чуждой им в национальном и профессиональном смысле власти. На всей

территории империи инославные церкви должны были избрать единственный путь выживания в стране – полное подчинение светской власти и христианский нейтралитет по отношению к православию. Западная теория о самостоятельности церковной организации и ее независимости от государственной власти не могла быть реализована в Российской империи, где главенствовала патриархальная идея о неразрывности церкви и государства.

Сфера правового регулирования государственно-конфессиональных отношений оказалась целиком в уголовном законодательстве XIX в., которое отличалось значительной степенью суровости в отношении раскольников и сектантов, при этом, как уже указывалось, внеисповедное состояние законодателем не допускалось.

Манифесты и законы 1903-1907 гг. установили в России свободу вероисповедания и содействовали ослаблению тенденций огосударствления церкви, способствуя переходу к европейскому пониманию принципов свободы совести.

В начале XX в., в связи с революцией в стране, правовое положение церквей вновь трансформировалось. Причинная обусловленность этих изменений достаточно сложная: иным стал статус самого государства – из абсолютизма формировалась конституционная монархия, поэтому и правовой статус церквей очищался от политического догматизма. Правовое положение стало более адекватно отражать реалии того времени, ориентируясь на принципы свободы совести, веротерпимости и равенства конфессий. Однако законодательные акты начала XX в. по вопросам религии и церкви несли на себе печать поспешности, содержали правовые коллизии, противоречили истинному положению вещей.

Таким образом, законодательство XVIII – начала XX вв. изменило правовой статус и юридическую основу административной и судебной деятельности инославных церквей. В праве Российской империи XVIII – начала XX в. были зафиксированы основ-

ные принципы правительственной политики по отношению к инославным исповеданиям. Сам факт упоминания инославных церквей и конфессий в российском законодательстве свидетельствовало об их признании субъектами действующего права и наделении их особым качеством – правоспособностью, в результате получения которой они могли вступать в соответствующие правоотношения. Общие законоположения о католицизме и лютеранстве в России в соответствии со Сводом законов, определявшим обязанности священников, предписывавшим порядок проведения богослужений, предусматривавшим внутреннее строение церквей, устройство и управление общин и др., провозглашали полную свободу исповедания католической и протестантской веры и совершения богослужений.

Говоря о религиозном факторе в политике Российской империи, можно сделать вывод, что религиозная политика правительства в XIX в. строилась на следующих аномальных принципах: непризнание личности на религиозное самоопределение, утилитарное использование религии для решения чисто политических задач, превращение церковной власти в орудие светской политики; вмешательство во внутрицерковную деятельность существовавших в России конфессий; стремление к ограничению «иностранных» и «иноверных» религий строго национальными рамками; распространение и поддержка только православной веры как духовной основы господствующей народности [21, 25-26]. Несмотря на ярко выраженную тенденцию государственно-конфессиональной политики к признанию терпимых вероисповеданий, ни о каком реальном равноправии религиозных организаций в России в XIX в. говорить не приходится.

В Российской империи государственная политика носила ярко выраженный религиозный характер, закрепленный в известной формуле «православие, самодержавие, народность». Охранительные

тенденции состояли в запрещении в пределах империи любой другой религиозной пропаганды, кроме православной. Полностью подчинив себе русскую православную церковь, самодержавное государство заботилось об укреплении ее господствующего положения в духовной жизни общества. Государство и православие опасались миссионерской деятельности инославных свя-

щенников и поэтому всячески противодействовали распространению западно-христианских и иных конфессий.

Главным направлением конфессиональной политики Российской империи в течение нескольких веков оставался принцип государственного контроля над всеми религиозными институтами Российской империи.

1. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание 1-е. (далее ПСЗ-1). Т. XVII. № 13996.
2. Рейснер М. А. Государство и верующая личность. СПб., 1905.
3. ПСЗ-1. Т. XXI. № 15708.
4. ПСЗ-1. Т. XXIII. № 17264.
5. Амелин В. В. Вызовы мобилизованной этничности. М., 1997.
6. Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России первой четверти XIX в. Саратов, 2002.
7. ПСЗ-1. Т. XLIV. Книга о штатах. Часть вторая. К № 21817.
8. ПСЗ-1. Т. XXXIV. № 27106.
9. Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990.
10. Рыбаков С. Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Пг., 1917.
11. Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя четверть XVIII – начало XX вв.): Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2005.
12. Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.
13. Арапов Д. Ю., Бобровников В. О. Программа государственных экзаменов для «мусульманского духовенства» Закавказья (1873 г.) // Гуманитарная мысль Юга России. Краснодар, 2006. № 2 (03).
14. Нечаева М. Ю. Церковь в модернизирующемся обществе России XVIII – начала XX в. // Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. С. 272-278.
15. Свод законов Российской империи (далее СЗ). СПб., 1912. Т. I. Ст. 365.
16. СЗ. СПб., 1912. Т. I. Ст. 27.
17. СЗ. СПб., 1890. Т. XIV.
18. Симон Г. Русская церковь и российское государство в противостоянии с иноверцами // Диа-Логос: Религия и общество. 2000-2001. Альманах. М., 2001.
19. Пинкевич В. К. Конституционная реформа С. Ю. Витте и проблемы веротерпимости в начале XX века // Религия и право. 2003. № 2.
20. СЗ. СПб., 1890. Т. XIV.
21. Пинкевич В. К. Вероисповедная система Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2001. № 4 (28).